

Это холодное и безжалостное заявление соответствовало манере поведения Янь Уши. Подтекст этих слов заключался в том, что во все века люди, способные вершить великие дела, были готовы бросить своих родителей и пренебречь своими братьями и сестрами, не говоря уже о собственных детях. Как бы то ни было, помимо тех двух сыновей у Пулюжу Цзяня при себе было еще трое. Более того, Пулюжу Цзянь в самом расцвете своих сил: для него не было бы затруднительным зачать еще одного сына или дочь. Нет необходимости связывать себя по рукам и ногам из-за того, что двое сыновей попали в руки Юйвэнь Юня, нужно делать то, что должен.

Хотя Шэнь Цяо не был согласен с его словами, они не показались ему странными или неожиданными. Он достаточно хорошо понимал Янь Уши, чтобы знать, что тот действительно был таким человеком. Напротив, странным и ненормальным было то особое отношение, которое Янь Уши оказывал ему в течение некоторого времени.

Помимо Шэнь Цяо, здесь также присутствовали Чжэн И и Бянь Яньмэй. Бянь Яньмэй — ученик Янь Уши, человек из демонической секты, действия и образ мышления которого также были неортодоксальными и непредсказуемыми. Соответственно, он не нашел бы ничего неподобающего в таких словах. Чжэн И, который являлся доверенным лицом и близким другом Пулюжу Цзяня, без сомнения, не был добродетельным человеком. Хотя он не высказался, он был согласен с мнением Янь Уши.

Пулюжу Цзянь горько усмехнулся.

— Хотя и говорится, что тот, кто хочет вершить великие дела, не должен беспокоиться о мелочах, как можно так просто оставить и отвергнуть отношения, разделяемые кровью и костью? Император-основатель Хань попросил Сян Юя поделиться мясным бульоном, который тот грозился приготовить из плоти его отца, но я не могу так поступить. Если я так легко откажусь от собственной плоти и крови, то, полагаю, даже глава секты Янь будет относиться ко мне с презрением, не так ли?

Его слова были произнесены в чрезвычайно блестящей и красноречивой манере. Хотя он явно умолял Янь Уши помочь ему спасти его детей, его слова оставили впечатление, что он человек верной привязанности и праведности. Если бы он стал императором, то доброта и мягкосердечие, как у Юйвэнь Сяня, не позволили бы ему добиться больших успехов, но если бы он стал похож на Гоу Цзяня, который варил из охотничьих собак похлебку после того, как они ловили кролика, то это было бы действительно пугающе. Пулюжу Цзянь негласно заверял, что в будущем не забудет проявленную ими милость.

Шэнь Цяо начал смутно понимать, почему Янь Уши решил поддержать Пулюжу Цзяня.

Янь Уши улыбнулся. Он не стал заикливаться на вопросе «спасать или не спасать» и спросил напрямую:

— Ты уверен, что они все еще живы?

Пулюжу Цзянь понял, что в словах Янь Уши подразумевалось молчаливое согласие спасти детей, поэтому он не теряя времени собрался с духом и сказал:

— Я уверен. Императрица на свой страх и риск тайно послала кого-то доставить письмо. В нем говорилось, что Его Величество удерживает моих сыновей во дворце императрицы, а сама императрица находится под домашним арестом и не может покинуть его. С тех пор прошло более десяти дней, поэтому я полагаю, что Его Величество намерен использовать их в качестве заложников, чтобы пригрозить мне не действовать необдуманно.

Восстание — это не такое легкое дело, как прием воды и пищи. Несмотря на то, что Пулюжу Цзянь давно сделал всевозможные приготовления, он не мог принять окончательного решения. Действия императора же, напротив, подстегнули его решимость: если он может спасти своих детей, он без колебаний начнет восстание во дворце.

— Чтобы спасти своих детей, ты должен быть готов выступить против Юйвэнь Юня. На страже дворца стоят люди из буддийской секты, но помимо них там также есть люди из секты Хэхуань. Даже если они не смогут победить меня в поединке, они могут решить немедленно разбить треснувший горшок. Для них не составит труда убить твоих детей.

— Да, именно об этом исходе событий я думал, и на душе у меня несколько беспокойно, — Пулюжу Цзянь вздохнул. — Есть ли у главы Янь хорошие предложения?

— Юйвэнь Юнь не склонен отпускать твоих детей, но, в конце концов, он все еще не разорвал ваши отношения публично. Ты можешь войти во дворец под предлогом передать какую-нибудь вещь своим детям, а затем ждать возможности спасти их. Это единственный возможный способ.

Бянь Яньмэй быстро сообразил и присоединился к разговору:

— Этот ученик готов взять на себя эту задачу. Учитель, этот ученик замаскируется и проберется во дворец, чтобы выждать удобного случая и спасти их.

Вопреки ожиданиям, Янь Уши отверг его предложение.

— Твоих боевых искусств недостаточно, чтобы выйти против Сюэтина. Так тебя будет ждать только смерть.

Бянь Яньмэй потер нос и замолчал.

— Мой рост слишком бросается в глаза, и я не практиковал технику сжимания костей. Даже если я замаскируюсь и переоденусь так, что другие ничего не заподозрят, старый лысый осел Сюэтин сразу же все поймет, а это только навредит. Если мы хотим спасти их, нужно найти человека с исключительными навыками боевых искусств, способного оценивать ситуацию и

приспосабливаться к ней. В установленное время я буду ждать за пределами дворца, чтобы оказать поддержку в нужный момент.

По мнению Пулюжу Цзяня, навыки боевых искусств Бянь Яньмэя уже были весьма высоки. Кто бы мог подумать, что Янь Уши сочтет их недостаточными и скажет, что им нужен кто-то с еще более высокими навыками? Этот человек должен был подготовиться к тому, что ему придется сражаться с Сюэтином, а это значит, что он должен быть как минимум гроссмейстером. Но ведь такие мастера — это не какая-нибудь капуста, которую можно получить по щелчку пальцев. Не говоря уже о том, что Пулюжу Цзянь еще не являлся императором, даже если бы он был императором, он все равно должен был бы относиться к такому мастеру боевых искусств с вежливостью и уважением. Как и где он сможет найти такого человека в такой короткий срок?

Увидев, что на него смотрят несколько пар глаз, Шэнь Цяо вздохнул, а затем мягко ответил:

— Этот бедный даос не талантлив, но готов попробовать, потому что это безграничная заслуга — спасти чью-то жизнь. Однако я не знаком с дорогами во дворце: когда я войду внутрь, мне покажется, что я все еще слеп. Боюсь, я заблужусь раньше, чем успею кого-нибудь спасти.

Пулюжу Цзянь уже рассматривал кандидатуру Шэнь Цяо, но это был отдельный вопрос от его союза с Янь Уши. Поскольку их с Шэнь Цяо не связывала глубокая дружба, если бы тот не предложил свою помощь, он, конечно, не был бы настолько толстокожим, чтобы просить о ней. Теперь, когда Шэнь Цяо вызвался помочь, он, естественно, обрадовался и ответил:

— Личное участие и помощь даочжана Шэня — больше, чем Цзянь мог бы пожелать. Это вторжение во дворец будет крайне опасным и чреватым. Хотя Цзянь и беспокоится о своих близких, но и безрассудно подвергать опасности даочжана Шэня тоже не посмеет. Я слышал, что в День рождения Будды, восьмого числа четвертого месяца, Сюэтин отправится в храм Цинлян в городе, чтобы помолиться о благословении. В его отсутствие будет намного легче справиться с остальными людьми. К этому моменту я пошлю больше людей сопровождать даочжана Шэня, чтобы они вели его за собой и протянули руку помощи, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

Бянь Яньмэй сказал:

— Ценно качество, а не количество. Я буду сопровождать даочжана Шэня во дворец. Я хорошо знаком с дорогами дворца, поэтому достаточно будет послать еще двух служанок. Юйвэнь Юнь не дурак, большое количество сопровождающих вызовет у него подозрения.

Шэнь Цяо кивнул головой и больше ничего не сказал.

Далее обе стороны более подробно обсудили время и место встречи и договорились, что Пулюжу Цзянь сначала обратится к императору за разрешением на визит. Если Юйвэнь Юнь откажет в просьбе, то они войдут во дворец, чтобы передать подарки от имени матери императрицы. Шэнь Цяо и остальные договорились встретиться на седьмой день четвертого

месяца в резиденции Пулюжу Цзяня. Они переоденутся в слуг Пулюжу Цзяня, войдут во дворец под предлогом посещения императрицы и будут ждать удобного момента для спасения заложников.

За это короткое время кто-то уже успел сообщить о возвращении Янь Уши и Шэнь Цяо в резиденцию младшего наставника, как и об их пренебрежении к ограничениям вокруг владений и вторжении на территорию, поэтому для них было бы лучше не задерживаться в этом месте. Закончив обсуждение важных вопросов, все разошлись по своим делам. Пулюжу Цзянь воспользовался тайным ходом из резиденции младшего наставника и вернулся в свое поместье. Бянь Яньмэй привел Янь Уши и Шэнь Цяо в другой дом в городе.

Дом был не тот, в котором они жили раньше, а другой, в который нога Шэнь Цяо ещё не ступала. Люди демонических сект действительно были похожи на пресловутых хитрых кроликов с тремя норами, и особенно ярко эта черта проявлялась у секты Хуаньюэ. Шэнь Цяо подозревал, что Бянь Яньмэй заранее тайно приобрел еще восемь или десять разных домов, и в случае обнаружения одного убежища они без проблем покинут его и перенесут свою боевую позицию в другой. В любом случае, благодаря поддержке Юйвэнь Юна они заработали действительно много денег. Даже в настоящее время секта Хуаньюэ владела многочисленными торговыми делами и магазинами. Хотя по масштабам они, возможно, и не были столь влиятельны, как Объединение Люхэ, но если говорить о чрезмерном богатстве, то Янь Уши, безусловно, далеко не обделен в этой области.

Бянь Яньмэй объяснил:

— Это частная резиденция, которая якобы принадлежит человеку по фамилии Ли. Для внешнего мира это всего лишь дом торговца. Секта Хэхуань не сможет раскрыть его так быстро. Учитель и даочжан Шэнь могут быть спокойны.

Он не знал, какими были отношения между Шэнь Цяо и его учителем. Если говорить о близких друзьях, то эти двое не выглядели таковыми. А учитывая темперамент учителя, даже если бы мастер боевых искусств номер один в мире захотел бы с ним подружиться, он не счел бы этого человека достойным своего времени, не говоря уже о Шэнь Цяо. Бянь Яньмэй помнил, что когда его учитель время от времени брал с собой Шэнь Цяо, это всегда было лишь развлечением, без какой-либо дружбы или товарищества между ними.

Наблюдательность Бянь Яньмэя была намного острее, чем у его младшего брата Юй Шэньяня. Естественно, он мог заметить, что Янь Уши относится к Шэнь Цяо по-особенному, совсем не так, как раньше. Однако он не мог понять, в чем именно заключалось отличие. Даже если бы он довел свои мозги до полного изнеможения, он никогда бы не смог догадаться, какие в действительности намерения вынашивал его учитель. Несмотря на то, что Шэнь Цяо был благороден и красив, как ни посмотри, было невозможно, чтобы его осыпали благосклонностью, как балуют красивого домашнего питомца. Кроме того, в рейтинге десяти лучших мастеров мира, объявленном Дворцом Люли, Шэнь Цяо занимал одно из мест. Кто в этом мире осмелился бы затаить в душе что-то дурное по отношению к гроссмейстеру?

Янь Уши осмелился бы.

Но Бянь Яньмэй никогда бы не подумал, что его учитель осмелится.

В любом случае, Янь Уши смотрит на Шэнь Цяо другими глазами. Бянь Яньмэй был искусственным человеком с опытом, поэтому он, естественно, не стал бы относиться к Шэнь Цяо неучтиво. Хотя он в целом следовал хитрому и беспринципному стилю ведения дел своего учителя, в глубине души он искренне уважал и восхищался характером Шэнь Цяо. В этом мире было бесчисленное множество злодеев и лицемеров, и не было недостатка в тех, кто внешне выглядел человеком чести, но на деле был лицемером, не способным контролировать себя перед лицом искушения. Он — человек из цзянху, который также много лет вращался при императорском дворе Северной Чжоу и сталкивался с самыми разными людьми. Такой человек, как Шэнь Цяо, поистине воплощает единство слова и дела, единство познания и действия.

Пока они разговаривали, от резиденции Пулюжу Цзяня тайно был послан человек, чтобы передать им что-то. Это «что-то» предназначалось Шэнь Цяо.

Поскольку секта Хуаньюэ уже заключила союз с Пулюжу Цзянем, их местоположение было сообщено другой стороне для удобства общения.

Шэнь Цяо понятия не имел, почему ему прислали эту посылку. Когда он открыл бамбуковый цилиндр, достал содержимое и развернул его, то не смог удержаться от тихого вздоха.

Янь Уши, стоявший рядом с ним, окинул взглядом посылку и с улыбкой сказал:

— Пулюжу Цзянь действительно удивительно проницательный человек, который знает, что делает.

Этим предметом был один из пяти свитков Стратегии Багрового Яна. Точнее, это была копия, которая первоначально была спрятана во внутреннем дворце Северной Чжоу.

Янь Уши уже читал этот том Стратегии Багрового Яна в прошлом. Но когда он понял, что его содержание во многом несовместимо с содержанием «Фундаментальных записей Феникса-Цилиня», он не потрудился запомнить его полностью. Когда позже его чувства к Шэнь Цяо стали более глубокими, он пересказал ему отрывки из того, что смог вспомнить, но это все равно отличалось от того, чтобы получить в руки целостный оригинал. На данный момент из пяти томов Стратегии Багрового Яна, за исключением тома, находящегося во владении секты Тяньтай, Шэнь Цяо знал все остальные тексты.

Пусть этот поврежденный том Стратегии Багрового Яна был чрезвычайно ценен, Юйвэнь Юнь не являлся практиком боевых искусств. После того, как он отравил своего отца, двор пережил волну больших перемен. У него не было ни времени, ни желания уделять особое внимание этому экземпляру, и Пулюжу Цзяню, в силу своего статуса, не составило труда попросить свою дочь воспользоваться воцарившимся хаосом и вынести его из дворца. С тех пор он убрал остатки тома подальше, а теперь отдал его Шэнь Цяо.

Это великий подарок, и Шэнь Цяо, естественно, должен был признать его доброту. Пулюжу Цзянь был чрезвычайно сообразительным и вел себя очень умело. Он не стал дожидаться завершения дела, чтобы вручить подарок, а послал его первым, чтобы выразить свою веру в великодушный и благородный характер Шэнь Цяо и уверенность в том, что тот не откажется от своих обещаний.

Благодаря этому акту доброты, независимо от того, насколько опасным является дворец в данный момент, Шэнь Цяо все равно придется совершить поездку, и сделает он это по собственному желанию.

Вот почему Янь Уши сказал, что Пулюжу Цзянь проницателен и знает, как правильно вести себя в межличностных делах.

Шэнь Цяо поразило внезапное осознание.

— Когда ты сказал, что мне будет очень полезно встретиться с Пулюжу Цзянем, ты имел в виду это? Ты предполагал, что Пулюжу Цзянь отдаст мне один из томов Стратегии Багрового Яна?

Янь Уши улыбнулся.

— Я ведь не пророк, как я мог знать наперед? Но я знал, что том находился в руках Пулюжу Цзяня, и что если он захочет заполучить твою помощь, он должен будет хотя бы показать свою искренность. Со временем твоя сила восстановилась, однако все пять томов Стратегии Багрового Яна имеют один и тот же общий корень, и если местами содержания не будет хватать, в конце концов, это не будет сулить ничего хорошего для твоего совершенствования. Даже без этого инцидента, я бы все равно попросил у него этот том, чтобы отдать его тебе.

Шэнь Цяо не удержался и взглянул на него.

Если Янь Уши хотел быть добрым к кому-то, он обращался с этим человеком очень хорошо, вплоть до того, что предлагал ему все сокровища мира и откровенно говорил: «Я готов сделать это».

Заметив пристальный взгляд Шэнь Цяо, Янь Уши слегка улыбнулся.

— А-Цяо не должен быть так тронут. Я уже поделился с тобой общим содержанием этого тома ранее. В лучшем случае, жест Пулюжу Цзяня сродни добавлению цветов к, и без того прекрасному, куску парчи. Подожди, пока я дам тебе что-то еще лучше, и тогда ты снова сможешь растрогаться!

Шэнь Цяо в самом деле захотелось залиться смехом над бесстыдством этого человека. Он поспешно отвел взгляд, опасаясь, что Янь Уши снова скажет что-нибудь ужасное.

На седьмой день четвертого месяца Янь Уши, Шэнь Цяо и Бянь Яньмэй вернулись в резиденцию Пулюжу Цзяна, как и было условлено.

До этого Пулюжу Цзянь уже обратился к императору с просьбой разрешить его супруге войти во дворец, чтобы навестить свою дочь. Как и ожидалось, император отказал в просьбе. Тогда Пулюжу Цзянь попробовал применить другой подход и заявил, что хотя его жена не может войти во дворец к императрице, любовь между матерью и ребенком слишком сильна, и она надеется, что во дворец к императрице можно будет доставить немного еды и письма из дома, чтобы показать искренние и добрые намерения матери, тоскующей по своей дочери.

Возможно, император не хотел, чтобы его разногласия с Пулюжу Цзяном стали достоянием общественности, поэтому согласился на эту просьбу.

Пулюжу Цзянь выбрал двух умных и способных служанок и подготовил их к сопровождению Шэнь Цяо и Бянь Яньмэя по пути во дворец.

Увидев собственный наряд, в котором ему предстояло войти во дворец, Шэнь Цяо с на редкость помрачневшим лицом спросил у Янь Уши:

— Почему ты не сказал мне, что я должен буду одеться как женщина?

Янь Уши, казалось, был поражен и задал вопрос в ответ:

— Как можно позволить мужчине просто так войти во дворец, не говоря уже об императорском гареме? Я думал, что ты уже знал об этом!

Шэнь Цяо потерял дар речи.

Он чувствовал, что Янь Уши, вероятно, все еще таил обиду с того времени, когда его заставили переодеться в женщину, но аргументы этого человека были настолько напыщенными, что их невозможно было опровергнуть.

Бянь Яньмэй даже утешил его:

— Все в порядке, я тоже надену женскую одежду.

На этом вопрос был исчерпан. Так как он уже согласился, он не мог отказаться от своего слова. Шэнь Цяо оставалось только смириться со своей участью и позволить служанке переодеть его и нанести макияж на лицо.

Служанка, наносившая ему макияж, была не обычной служанкой, а ученицей секты Хуаньюэ, которую Бянь Яньмэй пригласил из-за ее опыта и навыков в маскировке и изменении

внешности.

Шэнь Цяо ошибочно полагал, что они будут маскировать свою внешность подобно тому, как Хо Сицзин использовал маску из человеческой кожи поверх своего собственного лица с помощью какой-то секретной техники. Бянь Яньмэй сказал ему, что это не так.

— Техника изменения лица Хо Сицзина требует, чтобы человеческая кожа была обработана и вылечена бесчисленным количеством целебных трав, затем ее нужно было бы очистить с помощью секретной техники. На все это ушло бы не менее полутора лет. Во-первых, у нас нет на это времени. Во-вторых, я не знаю, что это за секретная техника. И в-третьих, маска из человеческой кожи должна идеально подходить к контуру лица владельца. Если будет хоть малейшее несоответствие, другие легко заметят недостатки, и это будет выглядеть совсем не убедительно. Поэтому в данном случае лучше использовать другие методы маскировки.

Служанка, наносившая макияж на лицо Шэнь Цяо, хихикнула и сказала:

— Даочжан родился с привлекательной и красивой внешностью. Совсем немного косметики, и он превратится в сногшибательную красавицу, которая способна завоевывать страны и покорять города!

Шэнь Цяо размышлял вслух:

— У мужчин есть кадык, а у женщин нет. Это то, что нельзя скрыть высоким воротником, любой подозрительный человек сможет увидеть его с первого взгляда. Как мы можем спрятать его?

Служанка улыбнулась и ответила:

— Даочжан, просто предоставь это нам.

Бянь Яньмэй, который был рядом с ними, напомнил:

— Не делайте даочжана Шэня слишком красивым. Если он понравится императору, это будет катастрофа.

Служанки прыснули от смеха.

— С этим мы ничего не можем поделать. Как бы мы ни пытались это скрыть, изящную и очаровательную внешность даочжана не спрячешь. Максимум, что мы можем — это сделать его лицо чуть более непримечательным!

После того как они обработали их лица и шеи, из резиденции Пулюжу Цзяна принесли два

комплекта одежды для служанок, в которую переоделись Шэнь Цяо и Бянь Яньмэй.

Все было подготовлено хорошо, но Шэнь Цяо все равно было немного не по себе. С другой стороны, Бянь Яньмэй был спокоен и невозмутим. Он даже игриво подражал манерам служанки, делая рукой жест орхидеи*, чтобы прикрывать рот во время улыбки.

— Ах, старшая сестра Шэнь, взгляни на меня, разве я не миленькая?

Уголки рта Шэнь Цяо дернулись.

* Это элегантный жест руки, когда большой и средний пальцы касаются друг друга, а остальные пальцы подняты вверх.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287407>